

НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ПАМЯТИ И ТРАВМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Лайло ФАЙЗУЛЛАЕВА

магистрант

Самаркандский государственный университет имени Шарафа Рашидова
Самарканд, Узбекистан

Аннотация

В статье анализируются нарративные стратегии репрезентации памяти и травмы в современной русской автобиографической прозе на материале произведений Сергея Лебедева, Марины Степновой и Елены Костюченко. Исследуются такие художественные приемы, как фрагментарность повествования, субъективность рассказчика, элементы документалистики и постпамять. Показано, что названные стратегии позволяют авторам передать многослойную структуру травматического опыта и специфику его влияния на формирование личной и коллективной идентичности. Делается вывод о ключевой роли нарратива в процессе реконструкции и интерпретации прошлого в современной литературе.

Ключевые слова: травматическая память, нарративные стратегии, автобиографическая проза, субъективное повествование, постпамять, фрагментарность, Сергей Лебедев, Марина Степнова, Елена Костюченко.

ZAMONAVIY RUS AVTOBIOGRAFIK NASRIDA XOTIRA VA TRAVMA (JAROHAT) NARRATIV STRATEGIYALARI

Laylo FAYZULLAYEVA

Magistrant

Sharof Rashidov nomidagi Samarqand davlat universiteti
Samarqand, O'zbekiston

Annotatsiya

Maqolada zamonaviy rus avtobiografik nasrida xotira va travmani ifodalashning narrativ strategiyalari Sergey Lebedev, Marina Stepnova va Elena Kostyuchenko asarlari misolida tahlil qilinadi. Hikoyaning fragmentarligi, hikoya qiluvchining subyektivligi, hujjatlilik elementlari va postxotira kabi badiiy usullar o'rganiladi. Ushbu strategiyalar mualliflarga travmatik tajribaning ko'p qatlamli tuzilishini va uning shaxsiy hamda jamoaviy identifikatsiya shakllanishiga ta'sir xususiyatlarini ifodalash imkonini berishi ko'rsatilgan. Zamonaviy adabiyotda o'tmishni qayta qurish va talqin qilish jarayonida narrativning asosiy roli haqida xulosa chiqariladi.

Tayanch so'zlar: travmatik xotira, narrativ strategiyalar, avtobiografik nasr, subyektiv hikoya, postxotira, fragmentarlik, Sergey Lebedev, Marina Stepnova, Elena Kostyuchenko.

В современной гуманитарной науке проблема памяти и травмы занимает центральное место. Это связано с необходимостью осмыслить прошлое и понять, как оно продолжает действовать в настоящем. Особую роль в этом процессе играет художественная литература, в которой травматический опыт получает свое нарративное оформление. Как отмечает Ян Ассман, культурная память представляет собой не просто хранилище фактов, но постоянно воспроизводимую структуру, через которую общество утверждает свою идентичность [1; 54-56]. В современной русской автобиографической прозе память предстает не как целостное и хронологически выстроенное воспоминание, а как сложная, фрагментарная и субъективно окрашенная структура. Травматические события, как правило, не поддаются последовательному воспроизведению; они проявляются в виде разрозненных эпизодов, внезапных ассоциаций и телесных ощущений.

В связи с этим особое значение приобретают нарративные стратегии, с помощью которых авторы стремятся передать специфику травматического опыта. Повествование становится не просто средством проекции информации, а способом реконструкции и осмысления прошлого. В условиях социальных и культурных трансформаций конца XX – начала XXI века художественная проза превращается в «важное пространство интерпретации как индивидуального, так и коллективного прошлого» [8; 34-37]. Писатели стремятся показать, каким образом пережитые события продолжают существовать в сознании человека и определяют его восприятие настоящего.

В данной статье рассматриваются особенности репрезентации памяти и травмы в современной русской автобиографической прозе на материале трех произведений: «Предел забвения» Сергея Лебедева, «Женщины Лазаря» Марины Степновой и «Моя любимая страна» Елены Костюченко. Эти тексты представляют различные формы художественного осмысления прошлого – от исторической травмы и семейной памяти до документального свидетельства о современных социальных конфликтах.

Проза Сергея Лебедева занимает значительное место в современной русской литературе, посвященной осмыслению травматического опыта XX века. Центральной темой его произведений становится трагедия репрессий, лагерной системы и вынужденного молчания, а также их последствия для последующих поколений. Писатель исследует, каким образом прошлое продолжает существовать в настоящем, влияя на судьбы людей и формируя их мировоззрение.

Одна из важнейших особенностей прозы Лебедева – соединение личной истории с историей страны. Обращаясь к судьбам отдельных персонажей, автор постепенно выводит повествование на уровень национальной памяти. Частный поиск истины превращается у него в попытку осмыслить масштабную историческую катастрофу, следы которой сохраняются в семейных преданиях, молчании старших поколений и культурном бессознательном общества. Лебедев работает в парадигме постпамяти – понятия, введенного Марианной Хирш для обозначения опыта поколений, выросших после катастрофы и вынужденных восстанавливать ее образ по фрагментарным свидетельствам [10; 31-33].

Особую роль в текстах Лебедева играет пространство. Северные ландшафты, заброшенные территории, руины лагерей и отдаленные поселения становятся своеобразными носителями памяти. Они хранят отпечатки прошлого и выступают безмолвными свидетелями трагических событий. В художественном мире Лебедева пространство приобретает символическое значение: «...моя душа и сердце полны памятью пространств, тяготеющих к Полярному кругу, полны их немоты, страждущей слова...» [4; 6]. Эта «немая» география становится у него своеобразным архивом, который требует расшифровки.

Нарративная структура произведений Лебедева отличается нелинейностью и многослойностью. Прошлое и настоящее постоянно взаимодействуют, а воспоминания возникают фрагментарно, что соответствует природе травматической памяти, не поддающейся линейному

изложению. Травматическое переживание, как показано в психоаналитических исследованиях, сопротивляется нарративизации и требует особых форм репрезентации [9; 10-11]. Лебедев использует эти «особые формы»: его повествование движется не по хронологической, а ассоциативной оси, соединяя разные временные пласты.

Значительное место в прозе Лебедева занимает мотив молчания. Невысказанное, вытесненное и скрытое нередко оказывается более выразительным, чем открытое свидетельство. Именно это молчание старших становится отправной точкой для поиска, заставляя героев обращаться к прошлому и восстанавливать утраченные связи между поколениями. Молчание здесь – не пустота, а симптом травмы, требующий интерпретации. Особую выразительность прозе Лебедева придает метафоричность. Образы снега, льда, земли и воды символизируют одновременно сокрытие и сохранение памяти. Природные мотивы передают глубину исторической травмы и сложность ее осмысления: «...ушел во льды...», «Буран держался трое суток...», «земля ловила его...» [4; 73]. Эти метафоры усиливают ощущение трагизма и необратимости происшедшего.

Память в произведениях Лебедева выступает не как восстановление фактов, а как нравственный акт. Обращение к прошлому становится способом вернуть голос тем, кто был лишен возможности говорить, и восстановить историческую справедливость. В романе «Предел забвения» личное расследование героя превращается в масштабное исследование травматического наследия, демонстрируя, что память – это главный инструмент противостояния забвению.

Произведения Марины Степновой отличаются глубокой психологической проработкой персонажей и вниманием к деталям их внутреннего мира. В ее текстах память выступает не просто как хронология событий, а как сложный нарративный инструмент, позволяющий осмыслить личный и семейный опыт. Через воспоминания героев раскрываются

многоплановые связи между прошлым и настоящим, индивидуальным и коллективным.

Особое значение в прозе Степновой имеет телесная и эмоциональная память. Автор подробно фиксирует реакции героев на прошлые события – их страхи, сомнения, внутренние противоречия. В романе «Женщины Лазаря» телесные проявления эмоций (слезы, дрожь, бессонница) становятся способом показать, как травматический опыт сохраняется в теле и влияет на поведение человека: «В ее горле все время стоял комок от невыплаканных слез, и она никак не могла откашляться»; «мертвый холод неподвижно стоял у нее в сердце» [5; 91]. Степнова следует здесь традиции, восходящей к феноменологии тела, где эмоциональное переживание всегда телесно опосредовано. Эмоциональное состояние героев передается также через особенности речи и физическую слабость. Например: «Лужбин наклонился, пытаясь расслышать, и Лидочка, изо всех сил напрягая голос, прошептала: «Я... Я... хочу...» [5; 92]. Прерывистая речь, слабый голос и физическое напряжение героини помогают передать ее тревогу и эмоциональное истощение.

Нарратив Степновой фрагментарен, что отражает саму природу памяти: воспоминания не следуют линейной хронологии, а возникают спонтанно, как эмоциональные всплески. Фрагментарность позволяет автору передать сложность внутреннего опыта, показать множественные точки зрения и внутренние конфликты персонажей. Важным элементом является исповедальный тон повествования, создающий эффект интимного диалога между героем и читателем. Согласно Калмыковой, именно исповедальность повествования дает возможность показать не только внутренний мир героя, но и его связь с историческими и социальными обстоятельствами, определившими его судьбу [2;45-47].

В прозе Степновой травматическая память тесно связана с проблемой идентичности. Герои часто сталкиваются с противоречиями между собственным опытом и ожиданиями общества, что подчеркивает конфликт

личного и коллективного. Автор исследует, каким образом прошлое формирует личность, определяет поступки и мировоззрение. Через эти приемы Степнова создает многослойный нарратив, позволяющий одновременно показать индивидуальные переживания и социальный контекст, в котором они разворачиваются.

В произведениях Степновой важную роль играет не только личная память персонажей, но и память семейная. Через воспоминания о родителях, детстве и прошлых поколениях автор показывает, как личная история человека формируется под влиянием семейных и культурных традиций. Такой подход позволяет рассматривать травматическую память не только как индивидуальное переживание, но и как часть более широкого культурного опыта. Герои Степновой обращаются к прошлому, пытаясь понять собственное место в настоящем и переосмыслить события, повлиявшие на их судьбу.

Кроме того, в прозе Степновой заметна особая роль художественных деталей, которые усиливают эмоциональное восприятие текста. Описания окружающей среды, бытовых предметов и случайных воспоминаний часто становятся «триггерами» памяти. Через такие детали автор показывает, как травматический опыт может проявляться в самых неожиданных моментах повседневной жизни. Как отмечает Трубина, благодаря таким приемам «повествование приобретает психологическую насыщенность, а читатель получает возможность глубже проникнуть во внутренний мир персонажей» [6;112-115].

Елена Костюченко занимает особое место в современной русской литературе как автор, сочетающий журналистский опыт с художественным осмыслением действительности. В ее произведениях значительное место занимает непосредственное наблюдение социальной реальности и опора на документальные материалы, что придает текстам высокую степень достоверности. Такой подход сближает ее прозу с традицией «нового журнализма», где фактическая точность сочетается с литературной

выразительностью. Особое место в творчестве Костюченко занимает произведение «Моя любимая страна», в котором наиболее ярко проявляется документальный характер ее прозы. В этом тексте автор обращается к реальным социальным событиям, соединяя личные наблюдения с общественно значимыми проблемами. Произведение основано на фактическом материале и свидетельствах очевидцев.

В «Моей любимой стране» Костюченко передает психологическое состояние человека через внутренние переживания и эмоциональное потрясение. Фрагментарность речи и повтор усиливают чувство шока и растерянности героини перед происходящими событиями. Автор пишет: «Бомбят Киев. Что? Бомбят Киев и все крупные города Украины. Мы бомбим? Мы бомбим» [3; 201]. Этот отрывистый диалог с самой собой фиксирует момент, когда травматическая реальность вторгается в сознание и разрушает привычные категории.

Особую эмоциональную напряженность создает фраза: «На самом деле невозможно подготовиться к тому, что мы фашисты. Я не подготовилась к этому никак» [3; 202]. Данный фрагмент показывает глубокое внутреннее потрясение человека, столкнувшегося с травматической реальностью, и демонстрирует крах прежней системы идентификации. Костюченко работает здесь с тем, что в психологии травмы называют «разрушением адаптивных смысловых структур» [11; 50-53].

Одной из характерных особенностей прозы Костюченко является сочетание художественного и документального начал. Автор стремится максимально точно передать детали реальности, особенности речи персонажей и их эмоциональные состояния. Благодаря этому читатель воспринимает описываемые события не только как художественный текст, но и как часть современной социальной действительности. Нарратив Костюченко отличается фрагментарностью и эмоциональной напряженностью. Воспоминания героев возникают спонтанно, «соединяя

прошлое и настоящее, что позволяет показать сложность травматической памяти и ее влияние на формирование личности» [7; 76-78].

Кроме того, важной темой произведений Костюченко является проблема человеческого достоинства и права на собственный голос. Герои автора сталкиваются с общественным равнодушием, внутренними страхами и последствиями пережитых событий. Через эти образы раскрываются как индивидуальные, так и коллективные аспекты травматического опыта. Творчество Костюченко демонстрирует органичное сочетание художественного и документального подходов к изображению памяти и травмы, где личная история становится частью более широкого социального и культурного контекста.

Проведенный анализ показывает, что в современной русской автобиографической прозе сложились различные нарративные стратегии репрезентации памяти и травмы. Каждый из рассмотренных авторов разрабатывает собственную художественную оптику: Сергей Лебедев работает с исторической травмой и коллективной памятью, используя метафорику пространства и мотив молчания; Марина Степнова сосредоточена на семейной памяти и телесных проявлениях травмы, создавая фрагментарный и исповедальный нарратив; Елена Костюченко сочетает документальное свидетельство с художественной выразительностью, фиксируя социальную травму в ее сиюминутном проявлении.

Несмотря на различия авторских стратегий, всех трех писателей объединяет стремление преодолеть забвение и восстановить утраченную связь между прошлым и настоящим. Травматическая память в их произведениях становится не только объектом художественного изображения, но и способом формирования личной и коллективной идентичности. Как показано в работе, фрагментарность повествования, субъективная фокализация, элементы документалистики и обращение к постпамяти оказываются наиболее адекватными формами передачи травматического опыта, сопротивляющегося линейному изложению.

Таким образом, современная русская литература выступает важным пространством сохранения исторического опыта и его переосмысления. Обращение к травматической памяти позволяет авторам не только анализировать прошлое, но и вести значимый диалог о настоящем и будущем общества. Нарратив в этом процессе играет ключевую роль: он не просто описывает прошлое, а конструирует его заново, давая голос тому, что было вытеснено или забыто.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.
2. Калмыкова В.В. Нарративные стратегии в современной русской прозе: психологические аспекты. – СПб.: Алетейя, 2016. – 210 с.
3. Костюченко Е.А. Моя любимая страна. – Москва: Meduza, 2023. – 320 с.
4. Лебедев С.С. Предел забвения. – Москва: Новое литературное обозрение, 2011. – 280 с.
5. Степнова М.Л. Женщины Лазаря. – Москва: АСТ, 2011. – 350 с.
6. Трубина Е.Г. Память и нарратив: современные подходы к изучению автобиографии. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 180 с.
7. Хазагеров Г.Г. Риторика травмы: способы репрезентации травматического опыта в литературе. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2018. – 160 с.
8. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С. Н. Зенкина. – Москва: Новое издательство, 2007. – 348 с.
9. Caruth, C. Unclaimed Experience: Trauma, Narrative, and History. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1996. – 160 p.
10. Hirsch, M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust. – New York: Columbia University Press, 2012. – 320 p.

11. Janoff-Bulman, R. Shattered Assumptions: Towards a New Psychology of Trauma. – New York: Free Press, 1992. – 270 p.